

Козаков Михаил

НА ОБОЧИНЕ

В середине ноября в Питере случился прямо-таки слет московских или бывших московских знаменитостей (или бывших знаменитостей). Сначала приехала на гастроли Таганка, последней своей премьерой восстановив былую репутацию. "Медея" не только открыла для нас новое имя — трагическую актрису Любовь Селутину, но и обнадежила: мы словно заново встретились с Юрием Любимовым и его актерами. Таганка спустила древнегреческую трагедию с заоблач-

ных высот на землю, придала ей современные интонации (в чем особенно преуспели Ю. Беляев, В. Шаповалов и Ф. Антипов и метафорическую образность, без которой немислим был театр Юрия Любимова в его классических образах). Мастер поставил спектакль об изгнанниках (не только о себе, но и о тех тысячах бездомных людей, которыми обросла воюющая Европа конца XX века), но сумел подняться над суетой и мелочными обидами и заглянуть в ту бездну, что разверзается перед отверженными и униженными. Всего два пути дается им:

Совершенно невозможные встречи

смириться или мстить. И оба — несправедны.

"Медея" оказалась на обочине зрительского успеха, который достался постаревшему "Мастеру и Маргарите". Должно быть, зритель аплодировал просто любимым актерам, по которым соскучился.

В те же дни Вениамин Смехов приступил к репетициям комедии Островского "Торжественное сердце" в Петербургском театре имени В. Ф. Комиссаржевской. А затем в тот же театр на гастроли прибыла из Израиля антреприза Михаила Козакова со спектаклем "Возможная встреча". И когда один был на сцене, а другой в зале, вполне можно было опасаться шуток Воланда. Словно тени "Современника", Таганки, Малой Бронной и всей той сумасшедшей театральной Москвы набегали на провинциальный город, который 25 лет назад любил спектакли Ефремова, Любимова и Эфроса не меньше, чем товстоноговские "Горе от ума" или "Пять вечеров".

Не знаю, почему Козаков решил показать "Возможную встречу" именно в Питере, но мне этот выбор показался принципиальным. В нем отразился сюжет пьесы Барнца, согласно которому король музыки Гендель приезжает к Баху в провинциальный Лейпциг. Вкусивший славы, роскоши, он ищет счастья в маленьком, залитом солнцем садике. Мечтает, что его "Мессия" прозвучит в соборе Св. Фомы. Да и самому неплохо побыть просто кантором Св. Фомы (звучит почти так же, как "переписчик нот у господина Бога"). Притворяясь равнодушным циником, герой Михаила Козакова жалуется: "Родина меня просто изматывает!" Но понятно, что совершенно другие чувства испытывают актеры, впервые за много лет играющие в России. И то, что они не доехали до Москвы — не случайно. В этом вроде бы чисто театральном жесте так много драматичных подтекстов! И понт, и вызов, и нежелание дважды входить в одну реку, и страх, знакомый каждому, кто волнуется, выходя на сцену. Петербург стал своего рода компромиссом, генеральной репетицией. И это возвращение саксонца в Саксонию, побег с "исторической родины" на малую родину.

Когда "Возможная встреча" шла на сцене МХАТа и Баха с Генделем играли два больших артиста, в спектакле не было ни малейшего лирического подтекста. По жанру это была просто "большая жратва". У Михаила Козакова и Валентина Никулина, оказавшихся на склоне лет в настоящей культурной провинции (я имею в виду Израиль, а не Петербург), пьеса рождает немало личных ассоциаций. Им поневоле пришлось размышлять над тем, что делает человека счастливым: слава и шум большого города или тишина, уединение в садике, залитом солнцем. Это повод для сомнений. И это дилемма неразрешимая. "На свете счастья нет..." Спектакль не отвечает напрямую на вопрос, кто из композиторов достоин зависти. Но иронический талант Козакова столь безжалостен к старику Генделю, что чаша весов склоняется в пользу Баха. И благополучная, сменявшая за последние десять лет ценностные ориентации публика Театра Комиссаржевской поддержала сочувственными аплодисментами не столько актера Валентина Никулина, сколько "программные" речи Баха, который гордится своей жизнью на обочине — он не ест устриц и не пьет шампанское, не дружит с королями, не стелется перед публикой.

И этими аплодисментами петербургские зрители благословили беглецов из Вавилона по имени Москва. Мы как никто другой можем их понять. Наш садик не столь уютен и не так согрет солнцем, как хотелось бы, но все же чуть-чуть в стороне от больших дорог, больших скоростей и больших разборок.

Елена АЛЕКСЕЕВА.

11.1.96.

Журан и сивера -
1996 - 11-18 янв. - с. 7